

Анна
Громова

Без любви

Анна Громова
Без любви

https://litres.ru/74771104
SelfPub; 2026

Аннотация

Нет, они не бежали с Земли. Они уходили медленно и неохотно, хотя внешне это выглядело строго и четко. Как при пуске ракеты персонал покидает стартовую площадку в строгой последовательности, в несколько этапов, согласно цвету нашивок на своей форме, так люди покидали Землю. «Первым» было сложнее...

Итак, люди покинули Землю, нашли новый дом. Но что за вызов приготовила им природа, и почему дети здесь не могут рождаться без любви? Зачем естественный отбор настойчиво закрепляет именно этот признак, и стоит ли пытаться сломать то, чего не понимаешь? Благо или зло - новые открытия и возможности? И какой выбор нужно сделать, если каждый неизбежно ведет к страданиям?..

Содержание

I. 4
II. 6
III. 11
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Анна Громова
Без любви

I.

Нет, они не бежали с Земли. Они уходили медленно и неохотно, хотя внешне это выглядело строго и четко. Как при пуске ракеты персонал покидает стартовую площадку в строгой последовательности, в несколько этапов, согласно цвету нашивок на своей форме, так люди покидали Землю.

«Первым» было сложнее. Они уходили, видя Землю в ее почти привычном виде: красивой, зеленой, цветущей, устроенной. Сложно было поверить и еще сложнее принять, что всего этого скоро не станет. И лишь графики с показаний приборов, неумолимо фиксирующих медленное, но неизбежное повышение температуры, снижение уровня углекислого газа в атмосфере, начинающееся преобладание злаковых культур, использующих С4-фотосинтез, над деревьями и лесами, ставшее более ярким и крупным Солнце на небесном своде, а также понимание грядущей катастрофы помогло им решиться. Они уходили искать новый дом, они уходили готовить его для себя и, возможно, для других, кто придет за ними.

«Вторые» видели Землю совсем другой. Опустынивание

и вымирание. Так «старела» планета под лучами увеличивающегося перед смертью Солнца. И как больно смотреть на стареющих родных, которых помнишь молодыми, как больно видеть каждую новую морщину, проявление немощи и болезни, так больно им было смотреть на их Землю. И они делали единственное, что могли. Они были Ноями, собирающими свой ковчег. Они старались сохранить как можно больше генетической информации о всех бывших здесь живых существах, чтобы попробовать воссоздать их уже на другой планете, в другом доме. Так мы перевозим дорогие нам вещи из одного жилья в другое, чтобы воссоздать свой уют и обеспечить преемственность своей памяти и жизни. Так они делали все, чтобы воссоздать на чужбине уют родной планеты, чтобы уберечь хоть что-то от неизбежной и безвозвратной гибели.

«Третьи» уже не жалели. Им было страшно. Планета представляла собой парник. Остатки океанов прогрессивно испарялись. Средняя температура поверхности неуклонно росла. Живого почти не осталось. И человечество, до самого конца чувствуя ответственность за свой погибающий дом, как капитан тонущего корабля, покидающий его последним, наконец, полностью оставило его. Оставило, чтобы больше никогда не увидеть. Как жертвоприношение, ранее благосклонному желтому карлику, а теперь разъяренному красному гиганту...

II.

В лаборатории было светло. Пахло чем-то химическим и свежим. Нудно жужжали центрифуги. Все уже давно разошлись по домам, только Римма и ее подруга Тая, как всегда, задержались. Римма собиралась завершить рабочий день, загружала материалы для работы на завтра, но вдруг остановилась, присела, тяжело вздохнула и задумалась.

– Что с тобой? О чем ты думаешь? Нам давно уже пора! – вывела из задумчивого оцепенения подругу Тая.

– Я думаю о нашей работе, о том, что мы делаем, а, главное, о том, почему нам приходится это делать, – медленно ответила Римма.

– Вот так новости! Кажется, тут все давно понятно. Ты не хуже меня знаешь, что после того, как часть человечества покинула Землю и обосновалась на этой новой, а нам с тобой уже совершенно родной планете, от поколения к поколению рождаемость стала снижаться. Многолетние поиски причин данного явления привели к обнаружению специфических и сложных мутаций, возникающих под лучами нашего нового Солнца, которые на всех уровнях реализации репродуктивной функции приводили к одному – невозможности беременности женщины от мужчины, к которому она не испытывает субъективного чувства любви, и невозможности мужчины зачать ребенка женщине, которую он не любит. Люди

стали пытаться обойти и «взломать» данный феномен, сначала это работало, но постепенно все хуже, и хуже, и в конце концов, и ЭКО, и ИКСИ, и прочие репродуктивные технологии были так же «заблокированы» отбором. Численность человечества продолжает падать. Мы с тобой и наша работа – часть попытки людей переломить ситуацию и предотвратить наше вымирание. И кажется, у нас есть неплохие шансы! Твои результаты очень многообещающие. Если мы сможем индивидуально у каждого человека выявлять набор таких мутаций и криспр-касировать их, то каждый из нас получит возможность иметь ребенка от любого другого, и человечество будет спасено! – несколько менторским тоном отрапортовала Тая.

– Да-да, конечно... Я все это знаю... Но что, если... Что, если дело вовсе не в этом «странном» мутагенном действии нашего нового Солнца, как мы теперь считаем? Что, если мутации подобного рода начали накапливаться значительно раньше - в нашей «прошлой жизни»? Что, если все они давно уже существовали у землян до их переселения, но их просто не замечали? – с какой-то тревогой произнесла Римма.

– Что значит – не замечали? Как это можно не замечать? Это прямая угроза выживанию вида! – воскликнула Тая с некоторым раздражением.

– Послушай, что мы знаем о Земле? Что люди образовывали высокоорганизованное, социально справедливое, технологически развитое и гуманистически направленное об-

щество; что планета была обустроена соответственно их знаниям, возможностям и задачам; что воспроизводство населения в основном было организовано через забор половых гамет у молодых людей определенного возраста, сложный этап моделирования и подбора их по совместимости и предполагаемым склонностям и предрасположенностям будущего ребенка, а затем вынашивание в искусственной матке, и лишь небольшая часть репродуктивного поведения оставалась естественной, но только «по большой любви», и если «сумма счастья от этого процесса превысит сумму несчастья для общества», – с напором проговорила Римма.

– Т.е. ты хочешь сказать, – Тая даже забавно открыла рот от удивления, – что уже тогда социальный и эволюционный отбор шел в сторону закрепления связи «взаимная любовь – потомство», а все прочие задачи, которые требовали режима «без любви» реализовывались только благодаря технологиям, которые нам здесь и сейчас просто, увы, недоступны из-за нашей неустроенности и неосвоенности здесь по сравнению с ними?

Римма кивнула.

– Хорошо. Но тогда почему после переселения проблема возникла не сразу, и численность стала снижаться постепенно? – чуть придя в себя и сразу как-то посерьезнев, спросила Тая.

– Ты забываешь, что люди, которые прибыли сюда, были еще «теми» людьми. Они были здоровы, крепки, долго жили.

Они привезли наследство в виде тех технологий, которыми все еще могли пользоваться, но уже не могли воспроизвести их здесь с нуля из-за отсутствия сырья, материалов, производств. Они и пользовались, пока могли. А воспитание в духе поиска любви и счастья и отказа от моральных компромиссов на этот счет приводило к тому, что нелюбящие друг друга пары и не пытались зачать детей – т.е. проблема уже была, но не была так ярко видна и подсвечена обществом, – продолжала Римма. - А потом, потом жизнь стала труднее. Люди все больше осваивались на новом месте, но не могли еще обеспечить прежний уровень жизни. Мы как бы вернулись в развитии общества на много-много ступеней назад. Ресурсы стали ограничены, распределение их не столь справедливо. Вновь вернулось понятие домашнего хозяйства, семьи, экономического долга людей друг перед другом, наследования. Воспитание тоже поменялось в соответствии с иными целями общества. Люди стали создавать пары «из выгоды», «из долга», а не «из любви», вот тут-то проблема и обнаружилась. Ну а дальше бесконечная гонка с природой, когда на какой-то малый промежуток времени мы перегоняем и «побеждаем», а затем природа догоняет и берет свое.

– Но почему же в новых условиях отбор все равно упорно возвращает нас к этой пресловутой любви? – очень тихо спросила Тая.

– Тут, кажется, ты лучше меня ответишь на этот вопрос, это твоя тема исследований. Любая мутация, закрепляемая

отбором, несет явные преимущества данной особи в данных условиях или хотя бы является чем-то нейтральным, что не ухудшает положение данной особи. Получается, что несмотря на наши изменившиеся условия, наши трудности и нашу прагматичность, любовь дает нам и нашим детям что-то очень важное и мы, кажется, совсем еще не понимаем, что именно, – печально улыбнулась Римма.

– Но твоя, наша работа... Мы же пытаемся убрать этот фактор и этим спасти человечество... – совсем упавшим голосом произнесла Тая.

– Или погубить, только сами не знаем этого. Вот об этом как раз я и думаю... – вздохнула Римма. - Ладно, возможно, все это всего лишь моя разыгравшаяся фантазия. Пойдем по домам. Уже очень поздно.

III.

Римма открыла дверь и вошла в темную прихожую. В нос ударил запах душного, застоявшегося за день воздуха. Обычно она сразу включала свет и шла открывать окна, так как хотела побыстрее выветрить этот запах. Она любила яркий холодный свет, свежесть и прохладу. Но сегодня она прикрыла за собой дверь и так и осталась стоять в полной темноте, лишь тяжело опершись спиной о дверной косяк. Сегодня она почему-то особенно остро почувствовала пустоту своего дома, свое одиночество, неуютность и несправедливость мира и свое отчаянное бессилие в попытках что-то изменить.

Она была несчастлива и совсем не понимала, что же ей делать.

Несчастье ее, с одной стороны, заключалось в том, что она была достаточно умна, и многое понимала, а с другой, что не могла ни согласовать с этим пониманием, ни полноценно противопоставить ему свою волю, свои желания и обстоятельства своей жизни.

Еще в детстве в какой-то момент времени в ее ум вдруг закрался страх, что она никогда никого не сможет полюбить, и никто не полюбит ее. Откуда он взялся, никто не знает, но он был таким же значимым, ярким и повторяющимся, как и пришедшее однажды осознание смертности своих родителей, а позже и смертности себя самой.

И все же этот страх оказался напрасным. В положенное время, соответственно природе и гормональному циклу, она полюбила. Но главное, что она вынесла из этой любви, это то, что она действительно способна любить, любить глубоко, искренне, бескорыстно, восхищаясь тем лучшим, что есть в партнере, отдавая себя и служа этому чувству, делая это чувство источником сил для себя и даря эти силы любимому…

Любовь эта, хотя и была взаимной, была понимаема второй стороной по-своему и использовалась ею, скорее, как способ решения своих психологических проблем: для поднятия самооценки, борьбы с комплексами, как трамплин для самоутверждения. Такое разное понимание любви и такая разная эмоциональная сила партнеров не могла не привести к неизбежной развязке. Он обидел ее. Резко, неаккуратно, несправедливо и неблагодарно. И… даже не признал и не осознал этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.